

ДОНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Подписка принимается въ Правленіи Донской семинаріи въ Новочеркасскѣ.

Цѣна годовому изданію Вѣдомостей 3 р. 37 съ полов. к., а съ доставкою и пересылкою 4 р. серебромъ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 14. 1873 г. 15-го ЮЛЯ

ОТДѢЛЬ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ВЫСШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайше утвержденнымъ, 13-го іюня, всеподданнѣйшимъ докладомъ Святѣйшаго Синода повелѣно быть епископу Тамбовскому *Теодосію*—епископомъ Вологодскимъ и Устюжскимъ, а епископу Вологодскому *Палладію*—епископомъ Тамбовскимъ и Шацкимъ.

Высочайше утвержденнымъ, 13 іюня, всеподданнѣйшимъ докладомъ Святѣйшаго Синода повелѣно быть епископу Саратовскому *Іоанникію*—епископомъ Нижегородскимъ и Арзамасскимъ, а епископу Ладожскому *Тихону*—епископомъ Саратовскимъ и Царицынскимъ.

(Прав. Вѣст.)

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

О томъ, чтобы благочинные въ выдаваемыхъ ими свидѣтельствахъ о безпрепятственности къ увольненію въ отпускъ подвѣдомыхъ имъ священноцерковнослужителей означали, кто именно будетъ исполнять ихъ обязанности во время ихъ отпуска.

Изъ дѣлъ Донской консисторіи усматривается, что нѣкоторые благочинные, изъявляя согласіе на увольненіе подвѣдомыхъ имъ священноцерковнослужителей въ отпускъ, не объясняютъ въ выдаваемыхъ ими по этому случаю свидѣтельствахъ ни того, что къ увольненію ихъ нѣтъ препятствія, ни того, кто именно будетъ исполнять обязанности увольняемыхъ по церкви и приходу во время ихъ отсутствія. По этому Донская консисторія, въ исполненіе резолюціи Высокопреосвященнаго Платона, Архіепископа Донскаго и Новочеркаскаго, предписываетъ всѣмъ благочиннымъ Донской епархіи непремѣнно прописывать въ выдаваемыхъ ими свидѣтельствахъ подвѣдомымъ священноцерковнослужителямъ какъ о безпрепятственности ихъ къ увольненію, такъ и о томъ, кто именно будетъ исполнять обязанности ихъ по церкви и приходу во время ихъ отсутствія отъ мѣстъ службы.

Именной списокъ лицъ, представившихъ въ Іюнь мѣсяцъ 1873 года въ Донской епархіальный комитетъ Православнаго миссіонерскаго общества денежные взносы, съ показаніемъ количества ихъ.

Получено:

1) Отъ постоянного члена Донскаго миссіонерскаго общества, государственнаго крестьянина Григорія Вѣримѣва собранныхъ имъ по книжкѣ за № 569—11 р.35 коп.; 2)—Протоіерея Новочеркасской Троицкой церкви Василя Слюсарева собранныхъ имъ по книжкѣ за № 65 девять рублей;

здѣсь и членскій взносъ его въ 3 рубля за настоящій годъ. 3)—Протоіерея Нижнечирской станицы Стратоника Яковлева, при рапортѣ отъ 31 Мая за № 40, *три рубля* членскаго взноса его за сей годъ; 4)—Священноцерковно-служителей той же станицы, при рапортѣ отъ 31 Мая за № 54, *три рубля* изъ церковно-кошельковой суммы за настоящій годъ 5)—Романовскаго благочиннаго, священника Михаила Наумова, при рапортѣ отъ 6 Мая за № 76, *недосланный* имъ *одинъ рубль* (смотри. епар. вѣдомос. № 7, о пожертвованіяхъ — ст. 31); 6)—Священника Бесергеновской станицы Одигитріевской церкви Аркадія Діадимова собранныхъ имъ по книжкѣ за № 71, *три рубля 1 копейка*; 7)—Священника Новочеркасской кладбищенской церкви Василя Малахова собранныхъ имъ по книжкѣ за № 68, *четыре рубля 36 коптекъ*; 8)—Священника Бесергеновской станицы Алексѣевской церкви Ильи Таирова собранныхъ имъ по книжкѣ за № 70 *шесть рублей 2 копейки*; 9)—Священника поселка Каменнобродскаго Николая Проскуракова собранныхъ имъ по книжкѣ за № 75, *пять рублей*, здѣсь и членскій взносъ его въ 3 рубля за текущій годъ; 10)—дѣлопроизводителя Комитета Василя Одноралова собранныхъ имъ по книжкѣ за № 43, *дванадцать рублей 95 коптекъ*.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Речь къ воспитанникамъ Донской семинаріи, сказанная въ день отпуска 20-го іюня.

При помощи Божіей, мы окончили труды свои въ этомъ учебномъ году. Въ настоящее время, мы не можемъ не радоваться, взирая на прекращеніе вашихъ занятій, и всегда значительныхъ, а во время испытаній требующихъ особеннаго напряженія вашихъ силъ. Для васъ наступило теперь время

отдохновенія. Да изгладить оно тѣ тяжелыя ощущенія, которыя, конечно, каждый изъ васъ болѣе или менѣе испыталъ въ теченіе учебнаго года. Пусть теперъ заступятъ ихъ мѣсто тихія радости въ кругу вашихъ присныхъ и знаемыхъ, въ мѣстахъ вашей родины. Да утвердится миръ въ душѣ вашей и да обновится крѣпостію ваше тѣло. Но однимъ этимъ благожеланіемъ не лзя ограничиться въ настоящее время. Намъ желалось бы, чтобы вы и отдохновеніемъ и трудомъ пользовались сознательно; намъ желалось бы, чтобы отдохновеніе ваше было приготовленіемъ къ труду,—чтобы вы не жили однимъ настоящимъ, какъ бы оно пріятно ни было, но всегда взирали на будущее и готовились къ нему. Что же представляетъ это будущее?

Вы окончили въ этомъ учебномъ году испытанія, которыя для нѣкоторыхъ изъ васъ были уже послѣдними. Но вамъ нужно помнить, что теперешнія ваши испытанія суть только приготовительныя къ испытанію гораздо болѣе трудному и продолжительному - въ жизни. Вся жизнь наша есть ничто иное, какъ испытаніе. *Искушеніе житіе челоуьку на земли*, говоритъ премудрый. Это испытаніе имѣетъ сходство съ испытаніями въ учебныхъ заведеніяхъ. И жизнь—тоже спрашиваетъ; только она постоянно предлагаетъ намъ одинъ вопросъ: за истину, или за ложь? Иначе: за Бога, или противъ Бога? И каждый поступокъ нашъ есть отвѣтъ на этотъ вопросъ. Дѣлаются при этомъ и отмѣтки. Всякое дѣйствіе, даже мысль, оставляетъ слѣдъ въ душѣ нашей—свѣтлый или мрачный. Изъ этихъ частныхъ отмѣтокъ образуется общій выводъ—является существо челоуька доброе или злое. Этого-то строй природы, приобрѣтаемый нашею свободно дѣятельностію, есть наша неотъемлемая собственность на цѣлую вѣчность. Научное образованіе, правильное, благотворно въ томъ отношеніи, что развивая силы челоуька, чрезъ то дѣлаетъ его болѣе сильнымъ и искуснымъ въ борьбѣ со зломъ, и такимъ образомъ облегчаетъ рѣшеніе вопроса жизни. Но само собою разумѣется, что и развитыми

силами можно злоупотреблять; въ такомъ случаѣ произойдетъ сугубое зло. Значить, научное образованіе есть благо не само по себѣ, а подъ тѣмъ условіемъ, если оно служитъ благой цѣли. Итакъ вся земная жизнь наша есть испытаніе. За этимъ испытаніемъ послѣдуетъ окончательное—на страшномъ судѣ Христовомъ, на который мы явимся со всѣмъ тѣмъ, что приняли и усвоили въ настоящей жизни,—для того, чтобы получить отъ нелицепріятнаго Судіи праведную оцѣнку своего достоинства, услышать отъ Него или: *приидите ко Мнѣ*, или: *отъидите отъ Мене*, и за тѣмъ или радоваться, или страдать вѣчно.

Таково будущее, къ которому мы приближаемся съ каждымъ мгновеніемъ.

Что же? При возрѣніи на это, должны ли омрачиться настоящія ваши минуты? Совсѣмъ нѣтъ! При видѣ предстоящей борьбы въ этой жизни, праведнаго воздаянія на послѣднемъ судѣ Христовомъ, да возрадуется сердце ваше! *Сія есть побѣда побѣдившая міръ, вѣра наша* (Іоан. 5, 4),—вѣра, которая вамъ проповѣдуется, сила которой вамъ дается. Вамъ остается принять эту силу и—побѣждать зло въ мірѣ. А борцы, которымъ предстоитъ побѣда, развѣ печалются?... Конечно, побѣда дается только вѣрующимъ, и, конечно, самые печальные виды откроются на будущее, если смотрѣть на него не съ высоты вѣры, а изъ бездны невѣрія. Но такое возрѣніе не имѣетъ мѣста здѣсь. Мы проповѣдуемъ Христа распята, Божію силу и Божію премудрость,—предвѣчное Слово, въ которомъ *животъ бж и животъ бж свѣтъ чловѣкомъ* (Іоан. 1, 4): а потому здѣсь должны возвѣщаться миръ и радость въ самой скорби. И мы возвѣщаемъ вамъ рѣченное отъ Господа: *блаженни будете, егда возненавидятъ васъ чловѣцы, и пронесутъ имя ваше яко зло Сына чловѣческаго ради. Возрадуйтесь въ той день, и възвѣшайте, се бо мзда ваша многа на небеси.* (Лук. 6. 22. 23). Блаженны вы будете, присовокупимъ при этомъ отъ себя, когда храмина вашего образованія, утверждаемая теперь на камнѣ евангельской истины, навсегда пребудетъ на этомъ основаніи. И пойдетъ дождь, и

разольются рѣки, и подуютъ вѣтры, и устремятся на домъ тотъ, но онъ не упадетъ, потому что основанъ на камнѣ. (Мѡ. 7, 25).

Сыны вѣка сего, среди заботъ о многомъ забывающіе единое на потребу, знаніе образованія человѣка думаютъ утвердить на пескѣ мнѣній человѣческихъ, на расчетахъ самолюбія: но въ этомъ случаѣ образованіе, какъ бы оно блестяще ни было, не дастъ человѣку силы въ борьбѣ съ наступающими житейскими. Отрадное чувство сыновства Богу, благодушіе въ скорби, терпѣніе, соединенное съ миромъ душевнымъ, любовь къ ближнему во всѣхъ его положеніяхъ, мирная кончина—всѣ эти и многія другія блага, безъ которыхъ терять цѣну настоящая жизнь, даетъ одна только вѣра Христова.

Помолимся Господу, чтобы въ этой обители вѣры и знанія вѣра Христова навсегда пребыла солнцемъ, отъ котораго бы заимствовали свѣтъ свой всѣ преподаваемые здѣсь науки, котораго бы искали первѣе и паче всего всѣ трудящіеся здѣсь ради истины. Помолимся объ отходящихъ теперь отъ насъ членахъ нашей небольшой семьи, которые прошли поприще науки и вступаютъ на поприще самостоятельнаго труда въ жизни. Вы подвизались здѣсь подъ знаменемъ вѣры Христовой. Пребудьте же вѣрны этому знамени. Чѣмъ труднѣе будутъ обстоятельства вашей жизни, тѣмъ выше поднимайте его, помышляя, что нѣкогда весь міръ узритъ съ знаменемъ креста Судію живыхъ и мертвыхъ, и тогда вѣрные сему знамени возрадуются, а измѣнившіе восплачутся на вѣки.

Помолимся всѣмъ вкупѣ: *Сподоби, Господи, со святыми твоими въ вѣчный славу твоею царствовать!*

Архимандритъ Веніаминъ.

Умственное и нравственное развитіе донскихъ калмыковъ и особенности ихъ быта.

Осуждаютъ еще калмыковъ за пьянство, буйство въ пьяномъ состояніи, драку и т. п. Въ калмыцкихъ кочевьяхъ нигдѣ нѣтъ ни одного питейнаго заведенія. Торговаль водкою гелюнь одной сотни, и попалъ подѣ судѣ. Недостатокъ водки въ кочевьяхъ конечно не спасаетъ отъ пьянства.

Въ случаѣ кутежа, калмыкъ, за ночь, изъ зимняго хурула номровской сотни можетъ съѣздить за водкою въ Мартыновку; или куда бы то ни было, и къ утру воротиться назадъ. Кромѣ того, у піющихъ и зажиточныхъ людей имѣется въ домахъ запасы водки и наливки. Недостатокъ той и др. замѣняетъ весьма легко и скоро изъ кумыса приготовляемая и для всѣхъ доступная калмыцкая рака. Мнѣ приходилось нѣсколько разъ, по приѣздѣ въ хутуны, ночью быть свидѣтелемъ ракопитія, въ которомъ принимали участіе всѣ пьяницы. Приходилось мнѣ быть и на свадьбахъ, гдѣ было все пьяно, начиная съ гелюна—эмчя (лѣкаря) и кончая женщинами, и на праздникахъ хурульныхъ, гдѣ точно также все было пьяно. Но перенеситесь мыслию на наши свадьбы, перенеситесь мыслию къ нашимъ престольнымъ праздникамъ! Чего не бываетъ? Да что бываетъ даже въ первый день пасхи? У калмыковъ, по нашему, меньше безобразія, чѣмъ въ нашемъ простомъ народѣ. Тѣже пьяныя лица на калмыцкихъ свадьбахъ, что и у насъ, то же пѣніе безобразное нестройное, что и у насъ, та же брань, тѣ же ссоры и перемирія, то же стремленіе жаловаться на обидчиковъ первому попавшемуся чиновнику, что и у насъ. Разница только въ томъ, что у русскихъ долѣе продолжается питіе, безобразнѣе чѣмъ у калмыковъ послѣдствія, да въ добавокъ— у калмыковъ не было примѣровъ убійства въ пьяномъ видѣ, какъ нерѣдко у насъ бываетъ, нѣтъ пьяницъ въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ихъ. Раки пьютъ много, но она мало охмѣляетъ. При питіи наблюдается старшинство. Круговая чаша переходитъ отъ одного къ другому чинно, тихо, спокойно;

или виночерій наливаетъ пьющимъ въ подставленные ими чаши. Иногда это питье продолжается далеко за полночь. На утро, если гдѣ нибудь рака готова, опять можетъ повториться ракопитіе. Впрочемъ, оно бываетъ большею частію вечеромъ.

Калмыцкій народъ можно обвинить въ совершенно индифферентномъ отношеніи къ дѣлу религіи, потому что вся *его религіозность* ограничивается чтеніемъ молитвы *ом-ма-ни-пад-мэ-хомъ*, да справленіемъ праздникоувъ при хурулѣ, т. е. собственно внѣшнимъ отношеніемъ къ религіи, внутреннее содержаніе которой совершенно неизвѣстно народу, — за наклонность къ разводамъ, совершающимся иногда безъ причины, и безучастное отношеніе къ такимъ фактамъ цѣлаго народа или цѣлой сотни, за слишкомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, униженное положеніе женщины. — Такъ напр. во время угощенія я никогда не видѣлъ, чтобы женщина принимала участіе въ питіи, обѣдѣ и т. п., чтобы она подавала свой голосъ при мужѣ. Но всѣ эти обвиненія нужно ослабить въ виду весьма основательныхъ причинъ. Положимъ, у калмыка чисто внѣшняя религіозность, но кто же виноватъ въ этомъ? Конечно не калмыкъ. Онъ, по ученію гелюновъ, и видитъ *только* въ этомъ религію и религіозность. Разведеніе браковъ случается не настолько часто, какъ бы можно было ожидать, судя по той легкости, съ которой оно можетъ происходить. У калмыковъ разводы очень рѣдки, хотя бракъ, по калмыцкимъ обычаямъ, есть болѣе гражданское учрежденіе, сдѣлка, чѣмъ религіозное дѣйствіе. Правда, жрецы простерли свое вліяніе на бракъ и принимаютъ участіе въ брачномъ торжествѣ (см. сочин. Нефедьева, Небольсина и повремен. изданія, выходившія въ Области В. Донскаго), но бракъ можетъ происходить и безъ всякихъ церемоній и затрудненій. При разводахъ, только на сотенномъ судѣ опредѣляются условія чисто меркантильнаго характера: которая изъ расходящихся сторонъ и сколько должна заплатить другой и т. п. О моральной сторонѣ дѣла тутъ нѣтъ и рѣчи.

Что же касается до нецеремоннаго и презрительнаго отношенія къ женщинѣ, то и относительно этого нужно замѣтить, что женщина у калмыковъ стоитъ гораздо выше, чѣмъ у другихъ восточныхъ народовъ. Намъ приходилось видѣть женщинъ среди забавъ, предъ отправленіемъ въ дорогу, когда они свободно распоряжались слугами; случилось присутствовать при совѣтахъ мужа съ женою и т. п.: все это конечно говоритъ въ пользу калмыковъ, которые, нужно правду сказать, предоставляютъ своимъ женамъ довольно свободы. Калмычки не то, что мусульманки, хотя и не то, что женщины осѣдлаго населенія. Можно долго быть у калмыка и не услышать ни одного слова отъ его супруги. Это, можетъ быть,—признакъ хорошаго тона, скромности. Въ отсутствіе же мужей, женщины свободно угощаютъ, разговариваютъ, рассказываютъ, если что любопытствуешь узнать, показываютъ принадлежности туалета и т. п. Въ присутствіи мужа, женщина стушовавается, хотя опять таки не вездѣ. Въ нѣкоторыхъ впрочемъ случаяхъ проглядываетъ тотъ взглядъ на женщину, что она—нечистое существо. Такъ напр. считается нехорошимъ дѣломъ, если женщина переступить чрезъ нагайку своего мужа, если задѣнетъ подоломъ своего платья кушанья и т. п. (что очень легко можетъ произойти, пот. что кушанья всѣ на полу). Въ этомъ случаѣ проглядываетъ, намъ кажется, восточный взглядъ на женщину, и въ частности, буддійскій взглядъ, пот. что будда запретилъ было своимъ послѣдователямъ жениться и принимать въ свою секту женщинъ. Съ другой стороны, въ этомъ полудикомъ народѣ есть много хорошаго въ отношеніяхъ мужчины къ женщинѣ. Напр. по калмыцкимъ обычаямъ, при встрѣчѣ мужчины съ женщиною, хоть бы мужчина былъ нойонъ, онъ долженъ помочь женщинѣ, если она намѣрена сойти съ коня. Женщина у калмыка—не раба, а помощница мужа; права ея ограждены и закономъ и обычаемъ; она есть полная хозяйка своего дома; все, что выходитъ изъ круга домашнихъ заботъ, долженъ приготовить для нея мужчина; женщина не сѣдуетъ коня;

это дѣлаетъ для нея мужчина, который и подводитъ коня къ женщинѣ. Никто не имѣетъ права отдать простой женщинѣ коня съ тѣмъ, чтобы она подержала повода. Женщина, жена или дочь, сама должна угощать почетныхъ гостей. Женщину нельзя бить ни рукой, ни палкой, ни нагайкой, ни предъ бурханами. При перекочевкахъ, старшій въ семьѣ мужчина долженъ вычистить для женщинъ своей семьи старый „*таталъ*“, маленькій колодець, предназначенный для омовенія женщинъ и хранящійся въ секретѣ. Но въ замѣнъ этого, женщина не смѣетъ самовольно сѣсть при старшихъ родственникахъ, и начать разговоръ, безъ ихъ къ тому приглашенія. Кромѣ того, она не должна ни предъ кѣмъ сидѣть въ фамиліарномъ положеніи, подвернувъ подъ себя обѣ ноги, и не можетъ имѣть нагайки, вмѣсто которой у нея только плеть.

Выше мы указали нѣсколько дурныхъ сторонъ въ характерѣ калмыковъ; высказавали обвиненія, кои на нихъ тяготеютъ. По внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оказывается, что въ характерѣ калмыковъ есть много почтеннаго и хорошаго, что изъ обвиненій многія несправедливы, многія ослабляются извиняющими калмыковъ обстоятельствами. Недостатки, если и есть, зависятъ отъ обычаевъ народа; изгладить ихъ предоставляется времени и благодѣтельнымъ постороннимъ вліяніямъ, пот. что внутри народа нѣтъ побужденій, да вѣроятно вовсе или долго не будетъ, къ саморазвитію умственному и нравственному.

Теперь мы уважемъ положительно хорошія стороны въ характерѣ калмыковъ. Прежде всего, рѣзко бросается въ глаза гостепріимство, желаніе угостить всѣмъ, что есть только у калмыка, безъ всякой задней мысли и желанія получить за это плату или подарокъ: Испытать это намъ приходилось неоднократно. Угощаютъ конечно всѣмъ, что есть у калмыковъ: ракою, кумысомъ, бараниною и чаемъ. Среди угощенія гость пользуется полною откровенностію хозяевъ, которые все рассказываютъ ему. На откровенность калмыкъ

впрочемъ сдается нескоро. Калмыкъ долго и долго приглядывается къ гостю; потомъ уже, разговорившись, передаетъ съ полною откровенностію все. Намъ давали для сѣмки посредствомъ фотографіи шутэны (свящ. изображенія), книги, рукописи (одинъ сотникъ догонялъ насъ весьма далеко, чтобы вручить намъ интересовавшія насъ рукописи). По прїѣздѣ къ тому или другому калмыку, рѣзали барана, хотя мы отказывались отъ такой любезности, и не брали съ насъ за это платы. Тѣмъ же любезнымъ гостепрїимствомъ отличаются и торгующіе въ степи русскіе купцы.

Не менѣе замѣчательна у калмыковъ и почтительность къ старшимъ: отцу, матери, старшему брату, нойону, зайсангу и т. д. Для насъ впрочемъ способъ выраженія почтительности къ зайсангу въ высшей степени былъ непрїятенъ. Во время нашей поѣздки по больше—дербетевскому улусу, кибитка, въ которой мы останавливались съ бакшею и зайсангомъ—опекуномъ улуса, постоянно была наполнена калмыками, такъ что не было минуты свободной отъ посѣтителей, которые постоянно глазѣли на то, что мы дѣлали. Среди калмыковъ посѣтителей былъ одинъ нойонъ и зайсангъ—безаймачный. Ни тотъ, ни другой не возвышали голоса и не смѣли сами спрашивать зайсанга—опекуна, по временамъ только давая односложные (уга-не и э-да) или короткіе отвѣты на тотъ или др. вопросъ, предложенный опекуномъ. Насмотрѣвшись и наслушавшись нашихъ разговоровъ, тихонько, незамѣтно выходили изъ кибитки. Въ угощеніи не принимали ни какого участія. Почтеніе свое къ опекуну—старичку выразили тѣмъ, что выѣхали на встрѣчу къ нему за нѣсколько верстъ, въ сопровожденіи многихъ однохотунниковъ, и провожали за хотунъ также очень далеко, къ великому удовольствію и гордости его. Этимъ, говорилъ онъ мнѣ, у насъ выражается почтеніе къ старшему зайсангу. Такъ и наши калмыки происходящему будто бы изъ нойонскаго состоянія и живущему въ кочевьяхъ молодому человѣку (Дон. Войсков. Вѣд., 1871 г., № 69) оказываютъ самое высокое уваженіе, равно

какъ и его сестрамъ, изъ которыхъ одной 14 лѣтъ, а другой 7 л. Калмыки говорили мнѣ, что въ случаѣ его женитьбы они очень многимъ помогутъ ему. Между прочимъ тутъ же говорили, что никто изъ простыхъ калмыковъ не можемъ льстить себя надеждою породниться съ этимъ молодымъ человекомъ. Что же касается до отношеній къ старшимъ родственникамъ, то я не знаю, можно ли вездѣ встрѣтить даже среди русскихъ такое почтеніе къ главѣ семейства, какое оказываютъ калмыки. Между прочимъ здѣсь не лишне указать на *цаджин бичикъ*; въ немъ не положено наказанія за отцеубійство, пот. что это преступленіе считается немыслимымъ. Сынъ высоко почитаетъ отца, младшій братъ старшаго, племянникъ дядю и т. д. И всѣ вообще знаютъ *ясунъ* (кость), т. е. все свое родство. Что и за человекъ, говорилъ мнѣ одинъ калмыкъ, если *ясунъ* не знаетъ. И потому калмыки очень щепетильны въ родственныхъ отношеніяхъ въ случаѣ брака (объ этомъ будетъ сказано въ отдѣлѣ объ особенностяхъ быта Донскихъ калмыковъ). Въ замѣнъ почтительныхъ отношеній младшихъ къ старшимъ, старшіе должны покровительствовать младшимъ и въ свою очередь должны соблюдать правила этикета. Таеъ отецъ, старшій братъ, должны, въ случаѣ брака младшаго члена семьи, выдѣлить ему особенную кибитку, гдѣ онъ онъ и будетъ жить, хотя бы хозяйство оставалось общимъ. Если старшій братъ придетъ къ младшему въ кибитку, то не долженъ переходить на ту сторону кибитки, на которой находится супружеская постель молодыхъ. А младшій братъ не долженъ показываться старшему безъ пояса, не долженъ спать при старшемъ братѣ съ женою; жена младшаго брата не должна раздѣваться. При всемъ томъ, у калмыковъ младшій братъ можетъ жениться на вдовѣ старшаго брата, а старшій братъ не можетъ объ этомъ и подумать. Итаеъ, какъ не сказать, что калмыки *почтительны къ родителямъ и старшимъ*? Значить, естественный нравственный законъ начертанъ въ сердцахъ ихъ.

Далѣ, при своевременномъ вступленіи калмыковъ въ бракъ, между ними нѣтъ, по крайней мѣрѣ не слышно, распутства, хотя сифились встрѣчается даже между женскимъ поломъ. Правда, въ калмыцкомъ языкѣ есть слова, означающія ремесло извѣстнаго рода, но такимъ именемъ называютъ женщинъ, живущихъ въ городахъ. Замѣчательно, что случай *вытравленія* плода былъ единственный дѣвкойю— калмычкою, которая научена была одною русскою женщиною. Единственный также былъ случай самоубійства одной дѣвки.

Про убійства въ калмыцкой степи совсѣмъ не слышно. Да и вообще калмыки не склонны къ убійству. Огнестрѣльное оружіе между ними хотя и есть, но донскіе калмыки не мастера и не охотники обращаться съ нимъ.

Къ хорошимъ качествамъ калмыковъ нужно отнести ихъ умѣренность въ пищѣ и питьѣ. Богатые калмыки въ умѣренности въ пищѣ, скромности въ одеждѣ соперничаютъ съ бѣдняками (впрочемъ объ этомъ будетъ сказано въ отдѣлѣ объ особенностяхъ быта калмыковъ); хорошо чертою также въ калмыкахъ нужно назвать ихъ единодушіе между собою, ихъ сплоченность, которая впрочемъ частенько вредитъ гражданскому начальству калмыковъ, при отправленіи обязанностей.

Отъ разсмотрѣнія умственного и нравственного развитія донскихъ калмыковъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію особенностей ихъ быта. Особенностей этихъ весьма много; ихъ мы видимъ въ устроеніи жилища, въ одеждѣ, пищѣ, въ строѣ жизни и т. п. Прежде мы обратимъ вниманіе на особенности, такъ сказать, внѣшняго характера, а потомъ— внутренняго.

Жилище калмыка составляетъ кибитка—подвижной шатеръ, въ очень короткое время разбираемый и снова складываемый: два человекъ въ теченіе часа могутъ разобрать и въ два часа собрать ее. Такое жилище, при кочевой жизни донскихъ калмыковъ, имѣло и имѣетъ для нихъ и для другихъ, подобно калмыкамъ кочующихъ народовъ, огромное значеніе. Ки-

битка весьма легко можетъ быть перевозима; она вѣситъ отъ 15 до 20 пудовъ. Стоитъ же она отъ 50—250 р., смотря по качеству строительныхъ матеріаловъ, т. е. деревянныхъ частей и полостей, которыми она укрыта.

Намъ нѣтъ нужды пересчитывать всѣ части кибитки; пот. что подобное описаніе можно найти въ любомъ описаніи быта калмыковъ. Скажемъ только, что въ степномъ быту кибитка имѣетъ огромное значеніе, она спокойна, уютна и здорова для кочевника. Намъ, говорилъ мнѣ одинъ ставропольскій зайсангъ, душно въ домахъ даже зимою; ребятишки побудуть, побудуть зимою въ домѣ, да скорѣе и вонь... Что же касается до лѣта, то конечно совсѣмъ трудно затащить кочевника въ хату. Мнѣ душно и тяжело въ городѣ, говорилъ одинъ гимназистъ V класса, изъ калмыковъ, по пріѣздѣ съ каникулъ въ Новочеркасскъ. Этому нельзя не повѣрить, пот. что намъ самимъ приходилось испытывать тоже самое, по пріѣздѣ въ какуюнибудь слободу или станицу, въ какойнибудь маленькой хаткѣ: часовъ около 2—5 за полдень просто покоя не найдешь нигдѣ. Тогда какъ въ кибиткѣ чрезвычайно хорошо чувствуется. Мухъ здѣсь почти нѣтъ, и, что особенно хорошо, во всякое время можно устроить сквозной вѣтеръ, такъ что во всякую жару можно пользоваться прохладой. Такъ обр. достоинства кибитки и ея крайняя необходимость дѣлаютъ ее незамѣнимою для калмыка. Но время и условія перемѣняютъ все. Многіе кочевые народы въ настоящее время сдѣлались уже осѣдлыми, такъ что въ Европѣ, кромѣ калмыковъ и нѣкоторыхъ сѣверныхъ дикарей, нѣтъ ни одного кочеваго народа. А когда-то очень много было кочевниковъ. Также будетъ и съ калмыками. Конечно не скоро, но все таки калмыки должны будутъ, какъ они и сами уже сознаютъ, перемѣнить свой образъ жизни. Начало этому положено въ зимовникахъ, т. е. постройкахъ на зиму, изъ которыхъ нѣкоторыя очень хороши. По отношенію же къ нѣкоторымъ зимнимъ постройкамъ напр. въ домикамъ изъ глины, не стоитъ даже предъявлять

правъ собственности, такъ онѣ ничтожно дешевы. Но не забудемъ, что у калмыковъ есть 16 деревянныхъ хуруловъ, 126 деревянныхъ домовъ (свѣдѣн. Обл. В. Д. Статистич. Ком. 1871 г.). Эти болѣе прочныя постройки составляютъ начало и задатки имѣющей быть перемѣны во внѣшней сторонѣ быта донскихъ калмыковъ. Увеличеніе народонаселенія и уменьшеніе подушнаго надѣла заставятъ калмыковъ тѣснѣе сплотиться и заняться поболѣе земледѣіемъ (для этого нужны еще другія условія) и огородничествомъ; то и другое заставить ихъ привязаться—какъ съ нѣкоторыми и случилось уже это—къ извѣстному мѣсту—зимовнику. Необходимость защищать посѣвы, сбереженія и принадлежности хозяйственныя—заставитъ ихъ почаще назирать за зимовниками. А отъ этого, конечно, недалеко переходъ и къ постоянному пребыванію на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ. Прошлое дѣло напр. сотникъ А. М. совсѣмъ не кочеваль. Но такова сила привычки: около зимнихъ домовъ у него поставлены были кибитки, въ которыя и уходили члены его семьи, не смотря на то, что въ совсѣмъ закрытыхъ домахъ было довольно прохладно. При зимнихъ постройкахъ находятся у него отличные сараи, какихъ я не видалъ даже у казаковъ въ станицахъ и у крестьянъ въ слободахъ; есть хорошій плодовый садъ и огородъ. Дѣло въ томъ, что нужно заставить калмыка имѣть нужду и въ огородѣ и въ хлѣбѣ и пр. Сотникъ М. нуждается и въ томъ и другомъ, пот. что у него проживаетъ довольно много русскихъ работниковъ, которые нуждаются и въ хлѣбѣ и въ томъ, что растеть въ огородѣ. Для калмыковъ же такъ мало нужно хлѣба, что они могутъ обойтись и безъ собственныхъ посѣвовъ, а въ огородныхъ растеніяхъ они вовсе не нуждаются, пот. что всѣ кушанья, какъ увидимъ мы ниже, приготовляются у нихъ изъ говядины и молока, что доставляетъ имъ скотоводство. Впрочемъ калмыки не отказываются и отъ арбузовъ и дынь. Я помню, что въ прошломъ году на расхватъ въ одномъ хурулѣ раскупили возъ арбузовъ, еще не поспѣвшихъ; маленькеі

манжики подбирали объѣденныя корки арбузовъ и то, что собаки добирали. У калмыковъ, живущихъ по Салу, есть бакчи, гдѣ растутъ превосходныя арбузы, которыми и угощали насъ въ прошломъ году. Такъ сначала нужно заставить калмыковъ попривыкнуть къ пищѣ осѣдлаго населенія, полюбить цѣну труда, времени, которое расходуется даромъ во время перекочевокъ, и—земледѣлія, которое можетъ доставить имъ столько же выгодъ, сколько доставляетъ и скотоводство. Все это отчасти, кажется намъ, сдѣлано уже. Чтобы дѣло еще болѣе подвинулось впередъ, нужно поставить вопросъ о кочевкѣ и уничтоженіи ея въ связи съ образованіемъ. Мы говорили, что образованіе нужно поставить на иную почву, чѣмъ оно стояло доселѣ. Желательно бы было, чтобы люди, заправляющіе и имѣющіе заправлять образованіемъ, располагали калмыковъ къ прекращенію перекочевокъ, указывали выгоду и значеніе осѣдлости, подавали сами первый примѣръ домовитой жизни, чистоты и опрятности. При такихъ условіяхъ, все калмыцкое населеніе должно будетъ оставить свой прежній образъ жизни. Донскіе же калмыки, вѣроятно, очень скоро перестанутъ отличаться отъ сосѣдняго населенія тою особенностію, о которой мы говорили доселѣ.

Какъ своеобразно у калмыка жилище, такъ своеобразны у него и предметы хозяйства домашняго и расположеніе ихъ, своеобразны пища и приготовленіе ея. Рѣзко бросается въ жизни степняковъ то, что все, что ни есть въ кибиткѣ, все, что ни дѣлается въ ней, все это видно бываетъ для всѣхъ. У калмыка нѣтъ, кажется, ничего сокрытаго для сосѣда; пот. что жилище его со всѣми мелочами, находящимися внутри кибитки, бываетъ видимо всѣми. Жизнь всякаго жителя хотуна извѣстна всѣмъ и каждому.

Пища калмыка готовится изъ мяса и молока. Молоко принимается въ различныхъ видахъ. Есть у нихъ, *куртъ-хурсунъ*. Онъ готовится изъ бозо,—творога остающагося послѣ перегонки калмыцкой раки. Это сухой,

разрѣзанный на ломти, творогъ сѣрожелтоватаго цвѣта, кислый на вкусъ, и весьма полезный калмыку въ дорогѣ, такъ какъ онъ имѣетъ свойство утолять жажду. Кромѣ того, у калмыка есть своего рода сыръ—*шюйрмткэ* и (сладковатый сыръ) *ейзе*. Изъ коровьяго молока готовится масло и арьянъ; арьянъ-кислое коровье молоко, которое вмѣстѣ или съ холоднымъ молокомъ, или съ парнымъ, или съ сырмъ даетъ еще три новыя блюда.—Это молочныя блюда. Кромѣ нихъ калмыки готовятъ себѣ еще кушанья изъ ржаной и пшеничной муки. Изъ первой готовится болтушка, называемая буданомъ; изъ второй готовятся лепешки, кои пропекаютъ на бараньемъ салѣ. Эти лепешки называются борцуками. Кромѣ этихъ кушаній, готовятся и другія изъ муки съ примѣсью сала или молока.

Но самая любимая пища у калмыковъ мясная. Самый обыкновенный видъ приготовленія пищи изъ говядины—это просто вареная говядина или баранина, которую калмыки ѣдятъ безъ хлѣба. Они отрѣзаютъ по кусочку говядину, обмакиваютъ кусокъ въ шулюнѣ—соленомъ бульенѣ, и потомъ ѣдятъ. Послѣ того бульонъ выпиваютъ, какъ лакомство. Впрочемъ есть и особенное кушанье изъ говядины, изрѣзанной то мелко, въ родѣ каши, то крупно. Первое блюдо употребляется особенно стариками.

Есть у калмыковъ и колбасы коровьи, бараньи и изъ конскихъ кишекъ. Есть у нихъ и своего рода ветчина,—это высушенное мясо (бурцо). Оно готовится такъ обр: сначала разрѣзаютъ мясо на мелкіе ломти, которые окунаютъ въ кипятокъ, насыщенный солью, а потомъ развѣшиваютъ въ тѣни до тѣхъ поръ, пока оно не завялится.

У калмыковъ есть своя, собственнаго приготовленія, водка „рака“. Эта водка готовится изъ молока—коровьяго, овечьяго и кобыльяго. Но самое лучшее калмыцкое питье—составляютъ чиченъ (кумысъ), кислое кобылье молоко, и арьянъ, кислое коровье молоко.

Такимъ образомъ, калмыцкая бухня довольно разнообразна.

зится, смотря по состоянію и по средствамъ того или другаго калмыка. Впрочемъ, въ дѣйствительности мы не видѣли большаго разнообразія въ кушаньяхъ. Обыкновенную пищу калмыка составляетъ *маханъ* (говядина), буданъ и калмыцкій чай, чисто національный напитокъ. Пищу принимаетъ калмыкъ разъ пять въ день. Того, что мы называемъ обѣдомъ, въ собственномъ смыслѣ нѣтъ. Въ каждый разъ принятія пищи, калмыки ѣдятъ только по одному блюду.

Такимъ образомъ въ пищѣ калмыки нисколько не сдѣлали уступки цивилизаціи. Что ѣли отцы ихъ, то ѣдятъ и они. И вѣроятно долго продлится обособленность калмыковъ въ этомъ отношеніи. Исключеніе сдѣлано только въ пользу водки, коньяку, наливкоу и разсыпчатаго чаю. Послѣдній у многихъ богатыхъ калмыковъ и у гелюновъ употребляется ежедневно вечеромъ, послѣ вечерняго приема пищи.

Въ одеждѣ молодые калмыки сдѣлали довольно много уступокъ казацкому костюму. Они носятъ чекмень, фуражку и пр. принадлежности казацкаго костюма. Старики же въ этомъ отношеніи неуступчивѣе молодыхъ; пот. что они до сихъ поръ носятъ калмыцкую рубашку, похожую на женскую кофту, безъ пуговицы вверху, бешметъ (нѣчто въ родѣ русскаго полукафтана), калмыцкій красный и желтый халатъ, каковой носятъ гелюны, и калмыцкую шапку. Мальчики лѣтъ 6—10 бываютъ въ рубашкахъ; дѣти же до 6 лѣтъ бѣгаютъ просто нагія. Женщины нисколько не сдѣлали уступокъ русскому костюму. Какъ одѣвались назадъ тому сто—двѣсти лѣтъ, такъ калмычки одѣваются и до сихъ поръ. У нихъ, смотря по возрастамъ, разнообразная прическа, своеобразныя шапки, неодинаковыя у молодыхъ женщинъ, у старыхъ и дѣвочекъ. Точно также разнообразны, смотря по возрастамъ, и прочія части костюма. Напр. у дѣвочекъ поверхъ рубашки надѣвается корсетъ, далѣе платье, въ родѣ донскихъ кубелековъ; затѣмъ дѣвочка опоясывается кушачкомъ. Съ выходомъ дѣвицы замужъ, этотъ костюмъ нѣсколько измѣняется. Зимой калмычки носятъ шубы, которыя дѣлаются изъ раз-

ныхъ мѣховъ, отъ самыхъ дешевыхъ до самыхъ дорогихъ. Дешевыми называются овчинныя. Зимній „терликъ“ можно причислить къ шубамъ. Верхнія шубы или покрываются разными матеріями и сукномъ, или же чаще ихъ носятъ нагольные, съ отдѣлкою болѣе или менѣе красивою. Фасонъ ихъ неизмѣнно одинъ и тотъ же—перехватъ подъ мышками, рукава длинные и узкіе.

Говоря объ одеждѣ, нельзя не упомянуть о любимыхъ цвѣтахъ калмыковъ. Эти цвѣта суть: красный, желтый, бѣлый, черный, голубой. Первые два цвѣта имѣютъ значеніе въ религіозномъ отношеніи; бѣлый или черный, должно быть, національные цвѣта монголовъ; по крайней мѣрѣ извѣстно, что монголы Чингисхана днемъ слѣдовали за чернымъ знаменемъ изъ четырехъ черныхъ конскихъ хвостовъ, а ночью указывало имъ путь бѣлое знамя. Синій же цвѣтъ издавна былъ любимъ монголами; Чингисъ называлъ своихъ монголовъ *синими монголами*.

Много своеобразнаго у калмыковъ при сватовствѣ, стговорѣ, бракѣ, разводѣ, родинахъ, уходѣ за дѣтьми и ихъ воспитаніи, похоронахъ; своеобразны у калмыковъ музыка, пѣніе танцы, пѣсни, сказки, игры, празднества и удовольствія.

Такъ какъ ничего нѣтъ замѣчательнаго въ первыхъ изъ перечисленныхъ случаевъ, то мы и не будемъ на нихъ останавливаться, тѣмъ болѣе что всѣ обряды, обычныя при сватовствѣ, стговорѣ, бракѣ, были описываемы въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и многихъ сочиненіяхъ о калмыкахъ. Скажемъ только, что при бракѣ, если въ совершеніи его принимаетъ участіе жрецъ, употребляются нѣкоторыя символическія дѣйствія, и что степени родства, въ которыхъ можно вступать въ бракъ, опредѣлены чрезвычайно строго. Напр. родство по мужской линіи совершенно возбраняетъ бракъ между потомками, происшедшими отъ одного общаго родоначальника въ какомъ бы то ни было колѣнѣ. Если же въ какомъ колѣнѣ встрѣтится женщина представительницею линіи, то ея линія и всѣ прочія, начиная съ этого колѣна до седьмаго, сохра-

вяютъ тоже родство; а затѣмъ уже позволительно вступать въ бракъ. Если же линіи идутъ отъ двухъ женщинъ, то бракъ позволителенъ съ четвертаго колѣна.

Относительно брака нужно еще замѣтить слѣдующее. Браки у калмыковъ записываются только въ сотенномъ правленіи, при подачѣ подушной общей переписи. Понятія *законный, незаконный* неприменимы къ калмыцкому браку: тамъ всѣ браки законны. Даже похищеніе жены не исключаетъ его законности. Какъ легко заключаются браки, такъ легко и расторгаются. По расторженіи браковъ, убытки и возмѣщеніе убытковъ двухъ сторонъ опредѣляетъ сотенное правленіе и сотенный сходъ. При насъ былъ одинъ подобный сходъ.

При родинахъ особенно замѣчательны по своей грубости обычаи помогать родильницѣ слѣд. образомъ: когда мучающаяся родами женщина сидитъ на коврѣ, то сострадательные къ ея мукамъ люди сильно обхватываютъ ее сзади, нѣсколько ниже пояса, и стягиваютъ ее руками сколько хватить силъ.

Новорожденному ребенку дается тѣлюномъ „тѣльникъ“ — бу(талиманъ) и объявляется какого „именно“, шутена изображеніе должно быть вложено въ тѣльникъ. Съ тѣльникомъ калмыкъ не расстаётся во всю жизнь. Ребенку дается по нѣскольку именъ: одно дается бабшею, другое отцемъ, третье вслѣдствіе предразсудка, по первому встрѣчному.

Умершихъ калмыки сожигаютъ,—это богатыхъ людей, бакшей или людей прославившихся чѣмъ нибудь; бѣдняковъ, рядовыхъ людей, калмыки или зарываютъ въ землю, или бросаютъ въ воду, или просто въ степи на курганѣ. Трауръ по умершемъ продолжается сорокъ девять дней.

Музыка калмыцкая раздѣляется на духовную и свѣтскую. Духовная музыка составляетъ принадлежность хуруловъ, свѣтская употребляется въ обществѣ. Оркестръ, состоящій изъ музыкальныхъ инструментовъ, употребляемыхъ при идолослуженіи, которое имѣли случай видѣть весьма многіе, въ прѣздъ въ г. Новочеркасскъ Государя Императора, довольно

оглушительнѣ, когда гелюны, аккомпанируя своему пѣнію, не соблюдая постепеннаго crescendo, вдругъ перейдутъ въ fortissimo; ко вообще говоря, онѣ не лишены нѣкоторой пріятности, хотя на первый разъ дѣйствительно и поразительнѣ, по дикости звуковъ.

Гелюны не всегда поютъ вмѣстѣ съ оркестромъ; есть много случаевъ, когда ни трубы, ни литавры вовсе не употребительны. Гелюны поютъ унисонныя партіи довольно согласно, и преобладающіе надъ цѣлымъ хоромъ басы придаютъ пѣнію ихъ особенную торжественность. Впрочемъ понятіе объ изящномъ у нихъ совершенно иное, чѣмъ у насъ.

Инструменты, употребляемые калмыками въ общежитіи, суть: а) обыкновенная двухструнная болалайка-„думбуръ“, б) инструментъ, похожій на нашу скрипку-„хуръ“. На первомъ инструментѣ положительно всѣ могутъ играть и молодые и старые, и мужчины и женщины. Музыкою, танцами и пѣснями насъ особенно долго занимало семейство молодого нойона, проживающаго въ Харьковской сотнѣ. Игра на думбурѣ весьма намъ понравилась, пот. что умѣлый игрокъ довольно недурно можетъ передавать слова той или другой пѣсни.

Пѣніе народныхъ пѣсней у калмыковъ чрезвычайно непріятно, потому что мелодія и своеобразный темпъ ихъ не таковы, чтобы могли нравиться калмыку, и пот. что калмыки поютъ безъ всякаго склада, и къ гармоніи не имѣютъ ни какого уваженія. Но нужно замѣтить, что одна пѣсня, составленная астраханскимъ зайсангомъ, лишившимся жены, донской урожденки, и въ короткое время разошедшаяся по всѣмъ калмыкамъ, чрезвычайно хороша, и не можетъ не нравиться по своей мелодіи самому требовательному уху.

Въ калмыцкихъ танцахъ принимаютъ участіе мужчины и женщины, танцуютъ поочередно или одинъ мужчина или одна женщина, или оба вмѣстѣ; въ послѣднемъ случаѣ они за руки не берутся, а каждый занимается своимъ дѣломъ самъ по себѣ. Позы танцующихъ одинаковы, какъ у мужчи-

ны, такъ и у женщины, съ тою разницею, что женщина танцуетъ медленнѣе чѣмъ мужчина. Пляска ея состоитъ изъ легкихъ, плавныхъ движеній и разныхъ жестовъ, выражающихъ обращеніе къ степи, восхищеніе красотою природы и выжиданіе дорогаго гостя. Мужчины танцуютъ долѣе; движенія ихъ быстры. Легкое подергиванье плечами, размахиваніе руками и едва замѣтное переступаніе съ одного мѣста на другое прерывается быстрымъ поворотомъ въ противоположную сторону, подбочиваньемъ и гордымъ озираніемъ присутствующихъ. Танцующій мужчина, кончивши пляску, подходитъ къ женщинѣ и, почтительно тронувши ее въ плечо рукою, приглашаетъ тѣмъ самымъ къ продолженію танцевъ. Когда же танцоръ подходитъ къ дѣвушкѣ изъ нойонскаго состоянія, то преклоняетъ колѣно и рукавомъ касается ея колѣна, послѣ чего дѣвушка начинаетъ танцовать. Насъ тоже и такимъ же обр. приглашали танцовать, но мы передавали кому нибудь право танцовать легкимъ прикосновеніемъ къ плечу.

Что же касается до игръ калмыковъ, то нужно правду сказать, что намъ вовсе не приходилось ихъ видѣть. Пользуясь впрочемъ указаніями другихъ, знающихъ бытъ калмыковъ, людей мы узнали, что у калмыковъ есть своеобразныя игры, по которымъ можно судить о характерѣ народа. Изъ игръ однѣ присвоены опредѣленному времени года, напр. веснѣ, другія—извѣстнымъ случаямъ.

Изъ игръ перваго рода особенно любима въ народѣ *цалан-надын* или *цалан-модун*, бѣлая игра. Въ этой игрѣ принимаютъ участіе даже пожилые мужчины и женщины; тѣ и другіе составляютъ двѣ партіи, такъ что въ той и др. партіи находится по три мужчины и по три женщины. Суть игры состоитъ въ томъ, чтобы одной изъ партій найти и удержать заброшенный въ степь другою партіею мячикъ. Игра эта продолжается цѣлую ночь; она имѣетъ значеніе благодарственнаго веселія за протекшую часть года.

Къ числу обыкновенныхъ игръ принадлежатъ а) „*кюн-*

цинъхайхо“—подушку бросать,—это нѣчто въ родѣ нашей игры въ жгуты, б) *бюс-оркхо*; въ этой игрѣ заставляютъ одного изъ играющихъ отыскивать кушакъ; отыскавшій кушакъ заставляеть виноватаго скороговоркою проговорить заданную фразу; в) *булмыджи надхо*—пряжки г) „*оро-текэ*“—козелъ; д) интельдыке“— смѣшки; е) „*бильчик-бултулхо*“—перстень прятать; ж) „чагырда“, или наша чехарда, есть старинная національная калмыцкая игра, з) игры въ альчики; изъ послѣднихъ игръ особенно любимая—*хаан-шилто*. Въ этой игрѣ принимаютъ участіе три лица, изъ которыхъ одно называется *ханомъ*, другое—элчи (посланникъ), а третье бѣднымъ факиромъ—„*кютыт*“; кютытомъ стараются сдѣлать женщину. По характеру своему, эта игра довольно драматична.

Есть у калмыковъ свои народныя празднества. Самый торжественный у нихъ праздникъ *Цаган-Сара*, т. е. бѣлый мѣсяць, первый мѣсяць года: онъ совершается въ мартѣ и приходится около весенняго равноденствія. Празднество продолжается недѣли двѣ; въ этотъ праздникъ каждый веселится въ своей семьѣ. Калмыки объѣзжаютъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, и поздравляютъ ихъ съ праздникомъ. Поздравленіе между родными и близкими совершается въ первый день праздника. Этотъ праздникъ калмыки приравнивають къ нашей пасхѣ. Дѣйствительно, торжественность и веселіе въ этотъ праздникъ у христіанъ даютъ калмыкамъ поводъ думать, что есть много общаго между тѣмъ и другимъ праздниками.

За этимъ праздникомъ слѣдуетъ „*Зула*“, отправляемый всегда 24 *Барс-сара* (мѣсяца барса); и приходящійся около конца нашего ноября. Въ это торжество калмыки празднуютъ начало зимы и день ихъ новаго года. Этотъ праздникъ тѣмъ замѣчательнъ, что калмыки въ этотъ день вспоминають дни своего рожденія: если у калмыка родится сынъ до зулы за недѣлю, то со дня зулы ему считаютъ уже второй годъ отъ рожденія; въ будущую зулу ему будутъ считаться два года—третій, и т. д.

Празднество *зула* начинается съ вечера, на открытой степи, на которой, близь хурула разставляется огромный столъ. Каждый калмыкъ приходитъ сюда изъ своей кибитки, приносить съ собою приготовленную изъ тѣста чашечку съ топленнымъ коровьимъ масломъ и съ фитилемъ, и ставитъ ее на столъ. Въ хурулѣ между тѣмъ происходитъ *идолослуженіе*. Когда гелюны выйдутъ оттуда, и, нося бурхановъ станутъ обходить кибитки съ пѣніемъ, при громогласныхъ звукахъ музыки, народъ преклоняется предъ бурханами, каждый зажигаетъ свою чашечку и снова начинаетъ молиться. Для этого вечеромъ устраивается торжественная иллюминація. По окончаніи идолослуженія, народъ расходится по знакомымъ, и всѣ поздравляютъ другъ друга съ новымъ годомъ. Въ этотъ день у гелюновъ бываетъ выборъ, „*гевю*“, хурульнаго благочиннаго. Послѣ выборовъ слѣдуютъ особыя религиозныя церемоніи, и празднество заключается общимъ весельемъ.

Третье калмыцкое народное празднество „*Юрус-Сара*“, бывающее около первыхъ чиселъ іюня; здѣсь народъ празднуетъ окончаніе зимы и счастливый переходъ на лѣтнее кочевье; это празднество болѣе народное, чѣмъ религиозное.

Въ послѣднихъ числахъ августа, при рѣкѣ происходитъ торжественное религиозное служеніе, называемое „*Усун-Аршан*“, послѣ котораго каждый добрый калмыкъ приходитъ на берегъ, дѣлаетъ три земные поклона, зачерпываетъ пригоршней воды изъ рѣки и пьетъ ее.

Кромѣ этихъ общепринятыхъ всѣми калмыками праздниковъ, есть еще въ каждомъ хурулѣ праздники, такъ называемые „*гелены*“, или какъ калмыки, преравнивая къ нашимъ празднествамъ, называютъ ихъ *престолы* т. е. празднества въ честь покровителей хуруловъ.

Всѣ вышепомянутыя идолослуженія совершаются безъ особеннаго ущерба карманамъ молящихся, безъ особенной платы гелюнамъ, хотя понемногу приходится тратить всѣмъ. Но если бы частный человекъ пожелалъ праздновать праздникъ у себя дома, онъ можетъ пригласить къ себѣ

гелюновъ по своему усмотрѣнію, даже перевезти, на время моленія, всѣхъ гелюновъ, принявъ всѣ издержки на угощеніе и перевозку идоловъ и гелюновъ на свой счетъ и сдѣлавъ каждому жрецу приличное вознагражденіе.

(Окончаніе будетъ).

Извлеченіе изъ писемъ начальника Японской миссіи, архимандрита Николая.

«Давно уже я получилъ ваше письмо и простите, что до сихъ поръ не отвѣчалъ. Да что и отвѣчать? Кричать о помощи,—одно, что могу я писать въ Россію ко всѣмъ нашимъ друзьямъ; я и кричу. И къ вамъ, вѣрно, доходитъ мой голосъ изъ Петербурга, такъ какъ писать о нуждахъ, о каждой отдѣльно и каждому порознь,—только сердце надрывать, да время терять, да вамъ всѣмъ надоѣдать, и тѣмъ лишать себя всякой надежды на устраненіе нуждъ. Лучше вмѣстѣ ко всѣмъ разомъ, хоть и рѣже. Такъ, собравши прошлогоднія нужды, я и писалъ въ Петербургъ въ началѣ нынѣшняго года, и просилъ тамошнихъ сотрудниковъ миссіи немедленно доставить копию писаннаго и вамъ. Вѣрно, вы получили. И что Богъ вамъ далъ? Утѣшите ли миссію?... Прошлогоднія нужды ни одна не устранена еще; а новыхъ, еще важнѣйшихъ,росло вдвое съ тѣхъ поръ, какъ миссія, съ моимъ переѣздомъ въ Геддо, раздѣлилась на два стана... Представьте хоть мою обстановку, хоть это одна изъ послѣднихъ мелочей. Жара теперъ,—Боже, какая жара! Перестать работать конечно, нельзя,—но не объ этомъ и рѣчь,—и утромъ и вечеромъ съ 5-ти часовъ человѣкъ 20—30 имѣютъ полное право приходиться выслушивать уроки Закона Божія. Но куда приходиться? Мое жилище—одна комната, на чердакѣ, по точнѣйшему измѣренію,—11 квадратныхъ футовъ; вычтете изъ этого пространство, занимаемое столами, стульями и подобіемъ самодѣльнаго дивана, замѣняющаго мнѣ кровать.

Высота комнаты такая, что человекъ малаго роста едва можетъ свободно стать въ ней во весь ростъ. Разочтите, сколько воздуха въ такомъ жильѣ. И въ немъ, однако, происходитъ катихизація для 20-ти человекъ. Сидятъ—ужь не спрашивайте, какъ сидятъ—на стульяхъ, на диванѣ, на полу, на ступенькахъ, ведущихъ въ чердакъ. Къ счастью, еще два окошка, одно наискось отъ другаго; если благодѣтельная природа посылаетъ вѣтерокъ, то и ничего; а нѣтъ теченія воздуха,—духота нестерпимая. Вниманіе съ трудомъ связываетъ мысли, воображеніе еле ползетъ по предметамъ, воодушевленіе изрѣдка подаритъ искоркой чувства и свѣжей мысли; самое горло отказывается служить больше чѣмъ 1½ и 2 часа заразъ. И слушателямъ плохо: бѣдные усердствуютъ слушать новое ученіе, аккуратно приходятъ, усердно работаютъ вѣрами, чтобъ освѣжить лобъ и возбудить движеніе мысли вслѣдъ за тѣмъ, что говорится имъ, но глаза невольно соловѣютъ и....и видишь, что говоришь безъ особенной пользы. Что дѣлать? Прекратить катихизацію, пока жара спадетъ? Да вѣдь жара спадетъ,—начнутся дожди, потомъ холодъ; благодѣтельные окна придется затворить, и будетъ таже самая духота въ каморѣ, съ меньшимъ еще количествомъ свѣжаго воздуха. Увы, и лѣтомъ и зимой, и круглый годъ въ такомъ жильѣ, какъ мое, будетъ все тоже неудобство для проповѣди.... Многіе Христомъ Богомъ просятъ крещенія, а я не могу крестить ихъ, потому что негдѣ... А гдѣ же, спросите вы, три тысячи, что на домъ даны? Цѣлы, цѣлы всѣ до копѣйки. Да можно ли затрачивать ихъ не на то, на что онѣ даны? Строить домъ? Легко сказать, когда за одну землю подъ домъ придется заплатить чуть не всѣ три тысячи; кто же вѣдалъ, что земли такъ сильно вздорожаютъ? Да и купивши землю, я, не приступлю ни въ какомъ случаѣ къ постройкѣ дома, прежде чѣмъ не буду имѣть возможности въ тоже время начать и постройку церкви. Для миссіонера что домъ безъ церкви? Ну, а свое жалованье куда вы дѣваете?.. скажете мнѣ. Свое жалованье?.. А кто

же помагаеть бѣдствующимъ христіанамъ?... Подобравши оставшіяся крохи, приходится потомъ тысячу разъ примѣрять и рассчитывать, нельзя ли, при такой ограниченности средствъ, еще болѣе себя чѣмъ нибудь ограничить?.. Что касается до серьезной стороны моего положенія, то я первый цѣню ее и понимаю не хуже другихъ, и въ этомъ отношеніи возлагаю крѣпкую надежду на Бога, слѣдуя совѣту нашего перваго миссіонера и образца для всѣхъ русскихъ миссіонеровъ, высокопреосвящ. Иннокентія, митрополита московскаго. «Не безпокойтесь много, говорилъ онъ мнѣ. Если дѣло миссіи въ Японіи угодно Богу, то Богъ Самъ укажетъ признаки того, и ничто не помѣшаетъ успѣхамъ дѣла Божія; если же негодно, то всѣ человѣческія усилія останутся тщетны.» А признаки того, что угодно Богу просвѣщеніе Японіи свѣтомъ Евангелія, съ каждымъ днемъ выявляются яснѣе и яснѣе. Взгляните на этотъ молодой, кипучій народъ,—онъ ли не достоинъ быть просвѣщенъ свѣтомъ Евангелія? Желаніе просвѣщаться, заимствовать отъ иностранцевъ все хорошее, проникаеть его до мозга костей... Къ вѣрѣ ли одной останется равнодушенъ этотъ народъ? О, нѣтъ,—съ каждымъ днемъ ко всѣмъ миссіонерамъ, въ томъ числѣ и къ русскимъ, идутъ новые и новые любопытствующіе знать о Христѣ; съ каждымъ днемъ число обращенныхъ растетъ. У католиковъ на югѣ, говорятъ, оно возвысилось уже до 8-ми тысячъ; а у протестантовъ кто сочтетъ число обращенныхъ, когда миссіонеровъ такъ много, средствъ такое изобиліе, и когда полъ-Японіи учится англійскому языку, и больше всего у миссіонеровъ же? И у православныхъ было бы не мало, если бы были средства разслать катихизаторовъ. Обращенные катихизаторами въ Православіе христіане уже вытерпѣли гоненіе и до того славно, что врагамъ Христа не было утѣшенія слышать даже отъ женъ и малыхъ дѣтей ни одного слова слабодушія и боязни въ исповѣданіи Христа. Я говорю о Сендаѣ, гдѣ, три мѣсяца тому назадъ, поднято было гоненіе на Православіе, распро-

страненное четырьмя катихизаторами, которыхъ я отпразднѣ туда въ концѣ прошлаго года. И исповѣдники Христовы до сихъ поръ не имѣютъ радости быть просвѣщенными св. крещеніемъ... Гоненіе видимо послужило къ славѣ Божіей: въ Сендаѣ и Хакодаде, гдѣ тоже было гоненіе по неразумію мѣстныхъ властей, получившихъ, когда дѣло было разобрано, отъ центрального правительства, приказаніе освободить христіанъ и впредь, безъ отношенія въ Іеддо, не давать волю своему фанатизму; центральное же правительство видимо готовить страну къ скорому объявленію свободы вѣроисповѣданій (наши христіане, бывшіе подъ надзоромъ въ тюрьмѣ, выпущены на волю; бывшіе подъ надзоромъ полиціи освобождены изъ-подъ ареста), и лишь только это состоялось (нѣсколько дней тому назадъ), вдвое большее количество новыхъ лицъ притекло съ желаніемъ узнать Христа... Но вотъ и въ другомъ мѣстѣ, слышно, желаютъ имѣть христіанскаго проповѣдника; вотъ и въ третьей провинціи есть расположенные слушать проповѣдь о Христѣ; направо и налѣво, тамъ и здѣсь, народъ вездѣ обнаруживаетъ впечатлительность, мягкую, какъ воскъ... Послѣ сего, не заболитъ ли у васъ сердце, видя, какъ другіе опережаютъ васъ вездѣ и во всемъ,—опережаютъ не по природной прыткости ихъ ногъ, а потому, что у нихъ есть средства, у васъ же ихъ нѣтъ?... Не занеетъ ли у васъ въ груди, видя, какъ инославные миссіонеры по всѣмъ провинціямъ разсылаютъ толпы своихъ катихизаторовъ, а у васъ нѣтъ денегъ, чтобъ послать хоть въ тѣ мѣста, гдѣ прямо желаютъ слушать православнаго проповѣдника? Не вырвется ли у васъ съ глубокимъ стономъ: «о, Господи!»—когда къ вамъ приступаютъ съ просьбами со всѣхъ сторонъ дать, или прислать православныхъ книжекъ, а вы не имѣете—что дать, и въ тоже время видите, какъ инославныя книжки горами расходятся по странѣ?... Нѣтъ, не выразить вамъ всей великости нужды, гнетущихъ насъ; не вылить всей печали душевной... Вотъ пройдетъ годъ; опять будетъ све-

день итогъ всего заразъ и пошлется въ Россію,—а тамъ что Богъ дастъ... Будемъ ждать, какъ и теперь, съ тревожнымъ нетерпѣніемъ, ждемъ отъ почты до почты—не утѣшить ли чѣмъ матушка Россія? О, помогите, ради Бога! Не о себѣ молимъ, о дѣлѣ Божіемъ молимъ.... Вотъ тѣ рассылаютъ толпы своихъ агентовъ по странѣ; юныя чада наши, полныя ревности по Христѣ, вопросительно глядятъ на насъ: было бы и у насъ кого послать; слово одно-другое и десятковъ разошлось бы по всѣмъ направленіямъ: а мы говоримъ только: «потерпите немножко, друзья, вотъ изъ Россіи пришлютъ средства.» Тѣ зато пляжутъ страну своей литературой: нашлось бы у насъ что пустить въ болѣе широкое обращеніе; ревнующіе о славѣ имени Христова собираютъ втихомолку свѣдѣнія и сообщаютъ, что хорошо бы и намъ завести шрифтикъ,—вотъ тамъ-де недорого продается.—«Обождите, милые,—вотъ изъ Россіи...» Вонъ у тѣхъ блестятъ кресты на храмахъ, стройно звучатъ колокола: «и намъ бы нуженъ храмъ» говорятъ наши бѣдные птенцы. О, какъ нехорошо безъ храма! Негдѣ молиться, негдѣ излить душу предъ Богомъ. Счастливы тѣ, которые идутъ теперь въ церковь!»—«А вотъ и у насъ скоро будетъ; пришлютъ же вѣдь изъ Россіи...» Пришлютъ, пришлютъ!... Все основано у насъ на этомъ дорогомъ для насъ словѣ. И не ждетъ такъ истрескавшаяся отъ засухи земля дождя небеснаго, какъ мы ждемъ вашей помощи... Господь попустилъ намъ испытать гоненіе, но набѣжавшая туча уже пронеслась мимо. И какъ гроза оживляетъ красы природы, такъ минувшее испытаніе воспламенило еще больше и безъ того полныя ревности сердца чадъ Христовыхъ, и много предубѣжденій противъ насъ пало вокругъ насъ, много душъ кругомъ озарились лучемъ сочувствія къ намъ. Какой благодарный часъ! Какая безцѣнная рабочая пора! А мы связаны по рукамъ и по ногамъ. Нужда пригнала насъ къ одному мѣсту, душитъ въ тѣсномъ углу. Въ Сендай бы теперь: болѣе тамъ сотни вѣрующихъ жаждутъ св. крещенія; въ Эдилею бы теперь, въ Осако бы теперь,—вездѣ сочув-

ствующіе намъ, вездѣ ждущіе насъ, вездѣ дѣло живое, животрепещущее, вездѣ зачатки жизни полной, горячей, глубокой. И да внемлетъ Богъ моимъ словамъ и моей молитвѣ: всякій пріобрѣтенный для Христа въ этой странѣ, да будетъ предъ престоломъ Божиимъ на страшномъ судѣ, вашимъ пріобрѣтеніемъ, чадомъ вашей любви и вашихъ заботъ! Да причтетъ ихъ Богъ къ лику спасаемыхъ вами, и да дастъ вамъ радоваться вѣчною радостію о нихъ!... Не вѣрите искренности моихъ словъ? Увы, я слишкомъ ясно сознаю, до нестерпимой боли чувствую самъ свою искренность. Что я? Имѣю косный и слабый языкъ возвѣщать дѣла Божіи: но камень бы развѣ на моемъ мѣстѣ не заговорилъ!.. Вонъ сегодняшній вечеръ, занятый письмами, я замедлилъ катихизацію,—и трое уже, одинъ за другимъ, приходили, и, кланяясь въ землю, просили говорить о Христѣ.... Оживите же и обрадуйте насъ поскорѣй, если не прямо помощію, то хоть надеждами на нее....» (1)

(Дом. Бес.)

Простое средство отъ кроваваго поноса.

Давно уже съ немалой досадой слушаемъ мы извѣстія о развитіи этой губительной болѣзни между войсками и въ особенности въ жаркое лѣтнее время, а между тѣмъ она, то есть эта болѣзнь, лечится быстро и самымъ дешевымъ средствомъ, сотни разъ мною испытаннымъ, и даже тамъ, гдѣ лучшіе врачи наши оказывались безсильны и оставляли больныхъ на произволь судьбы. Средство это есть ничто какъ земляничная трава, набранная съ корнями, высушенная на солнцѣ.

Употреблять ее слѣдуетъ такъ:

Изрѣзавъ и траву и корень мелко и смѣшавъ, брать 2

(1) Всякаго рода пожертвованія покорнѣйше просимъ высылать прямо и непосредственно въ Москву, въ Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества, или на имя Предсѣдателя онаго, высокопреосвященнѣйшаго **Иннокентія**, митрополита московскаго.

столовыхъ ложки и обдавъ кипяткомъ, поставить въ чайникъ на конфорку, чтобы настоялись хорошенько, какъ чай. Затѣмъ, простудивъ до степени парнаго молока, пить: взрослому и особенно солдату отъ 5 до 6 стакановъ въ день; дѣтямъ и молодымъ людямъ, смотря по возрасту отъ 4 столовыхъ ложекъ до 5 чайныхъ въ день. При діетѣ не допускается все жирное и молоко.

Земляника такъ сильно распространена по всей Россіи, что ее легко набрать огромное количество, а высушенная хорошо—она сохраняется по 2 и по 3 года, ни сколько не теряя своей цѣлебной силы. Разумѣется, она должна быть хорошо упакована и предохранена отъ сырости.

Сочту себя весьма счастливымъ, если вы, господинъ редакторъ, дадите мѣсто настоящему письму въ вашей почтенной газетѣ, а бѣдные люди и военное вѣдомство не замедлятъ обратиться къ этому простому, дешевому и совершенно безвредному средству, но тѣмъ не менѣе далеко вѣрнѣйшему, чѣмъ многія изъ извѣстныхъ по своей общеупотребительности и недешевыхъ капель, зачастую нисколько не помогающихъ въ упорныхъ поносахъ и холеринѣ.

Я уже давно собирался сообщить вамъ объ этомъ средствѣ, но останавливался потому собственно, что все не исходящее изъ такъ называемой медицинской науки—или вовсе не принимается въ публикѣ, или принимается зѣло туго.

Примите и проч.

Павелъ Гочмарный.

13 Юня.

(Совр. Извѣс.)

Отъ хозяйственнаго управленія при Святѣйшемъ Синодѣ.

На основаніи опредѣленія Св. Синода $\frac{19 \text{ Августа}}{21 \text{ Сентября}}$ 1870 г. хозяйственное управленіе симъ извѣщаетъ правленія духовныхъ семинарій и училищъ, что назначенныя опредѣленіями

Св. Синода къ употребленію въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ учебниковъ и учебныхъ пособій: 1) Руководство къ истолковательному чтенію книгъ Новаго Заѣта (выпускъ 1, соборныя посланія), составленное преподавателемъ одесской семинаріи Александромъ Ивановымъ; 2) Исторія христіанской церкви (2 выпускъ. Рязань 1872 г.), составленная преподавателемъ Рязанской семинаріи Смирновымъ, и 3) книга, „Пособія къ русскому языку“, составленная преподавателемъ 6-й С.-Петербургской гимназіи, стат. совѣтникомъ Николенко, вмогутъ быть приобретаемы изъ хозяйственнаго управленія по слѣдующимъ цѣнамъ: первая книга по пятидесяти коп., торая по одному рублю девяносто коп., третья по тесиде- сати коп. за экземпляръ.

СОДЕРЖАНІЕ. I. Отдѣлъ оффиціальныи. Распоряженія высшаго правитель- ства. Назначеніе на архіерейскія кафедры. Распоряженія епархіальнаго начальства. О томъ, чтобы благочинные въ выдаваемыхъ ими свидѣтельствахъ о безпрепятственности къ увольненію въ отпускъ подвѣдомыхъ имъ священно- церковнослужителей означали, кто именно будетъ исполнять ихъ обязанности во время ихъ отпуска. Списокъ пожертвованій въ пользу миссій за іюнь м. П. **Отдѣлъ неоффиціальныи.** Рѣчь къ воспитанникамъ Донской семинаріи. Умственное и нравственное развитіе Донскихъ калмыковъ и особенности ихъ быта. (Прод). Извлеченіе изъ писемъ начальника Японской миссіи, архимандрита Николая. Простое средство отъ кроваваго поноса. Объявленіе отъ Хоз. Упр. при Св. Синодѣ.

Редакторъ, Архимандритъ Веніаминъ.

Печатать дозволяется: Цензоръ, Каедральный Протоіерей

Василій Смирновъ. Іюля 15, 1873 года.

Печ. Област. войска Донскаго Типографіи.